

ермо содрит в ин-де, а Нина пока вози, аз с
Лазовской - дочкой. - тивуц нормально.

Милая Клава, прошу поверить, еубоу святая
правда: Нина иногда вспоминает тебе доброй,
памятью - раньше часто, теперь реже. - иногда!

Но шувобуется, что в ее душе - доброе
затаялось в твою пользу. Я очень рад такому,
спасибо тебе милая за это. Везь ты и
действительно немало делала для нас доброго!

Из Севастополя я вернусь в начале сентября
и буду читать твоего письма - и ОЧЕНЬ!

Лично приятно думать о тебе. Теперь ты свободна,
посидарем - но это не беда - 2090 это не судьба!

Хочешь сказать тебе, что я после тебя, как-то
умол в себе, как-то душевно заглох, оторвался
от мира всего, проклял свою судьбу, не казал
никого даже видеть на паза, все мне

было чуждо и просто отвратительно, мне
всегда думалось, что на свете для меня уже
больше ничего нет и боть не может - и
затем тогда я есть.

Но я еще работал, для чего какой там работа -
все из рук вышло. -

Но у меня были хорошие дети их жизнь

как-то воровалась меня, было друг ного
жить и рвать. Чина сурепком запоишаа
чтивесетет, но последнем детинном году
познакомилась с Сашей — он чинился на
философской ф-те, кроме того еписмалмзи-
ровался по промышленной социологии и три
первых года работал ещнмолгом на очень
крупном заводе в Курбашеве, а теперь они
в Севастополе. Вот так я и дружила до 70-и лет,
думала о том, что ма с тобой виновато и нет.
Забудем, забудем, забудем!!

Я буду очень рад, если я — этим откровенным
письмом к тебе, принес хоть каплю радости в
твою одинокую и оглохшую жизнь — ведь это так!
Ведь в одиночестве — всегда таигов грех предаваться,
и осуждения души. Прости меня — милая!

Я крепко пашу твою сребрую и друщую
другу руку, она друг меня дружке
всего на свете — пашу с шубою и
увлажнением, искренностью и душевной
краткозамечательностью.

Думо о тебе — меня радуют,
ведь ма не чужие!

Я тепло обнимаю тебя
и целую-целую

г. Скопин Каз.
г. Ленинка-164, кв. 2.
Селина.

Всегого с тобой

Редя.